

Б.Е. Фролов

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ ОБРАЗЦА ШАШКИ И КИНЖАЛА ДЛЯ КАВКАЗСКИХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК

Оружиеведам, коллекционерам и просто любителям оружия достаточно хорошо известен образец шашки и кинжала, утвержденный в 1904 году. Но ни в дореволюционной, ни в советской историографии совершенно не освещен вопрос о том, кто занимался разработкой этого образца, как происходил сам этот процесс, и какие принципы были положены в его основу.

Сразу же отметим, что в 1904 году лишь официально утвердили тип холодного оружия, применявшийся казаками уже несколько десятилетий. Это оружие, заимствованное у горцев, с течением времени подвергалось лишь несущественным изменениям (в зависимости от тактико-технических условий, материальных возможностей, да и просто от моды), не затрагивающим конструктивные основы. Эти, как бы мы сказали сейчас, модификации, касались длины клинка, количества долов, веса, абриса и материала рукояти, угла отклонения хвостовика и т.п. Процесс таких непринципиальных изменений стал особенно заметным с того момента, когда Кубанское казачье войско начало практиковать заказы больших партий оружия на заводах и у частных мастеров за счет войсковых капиталов. При этом в войске разрабатывались и утверждались образцы оружия (имеется в виду утверждение на уровне войска или военного округа, а не Высочайшее как в 1904 г.), которые и отсылались для руководства при изготовлении. Причем чаще всего высылались только чертежи и описание, так как изготовление в войсковой оружейной мастерской, не располагавшей современным оборудованием, технологической оснасткой и высококвалифицированными мастерами самого оружия обходилось чрезвычайно дорого. Первый известный нам образец шашки был разработан в Кавказском линейном казачьем войске в 1858 г. и утвержден командующим войсками Кубанской области генерал-адъютантом графом Евдокимовым (1). Не зная пока конкретных разработчиков, мы предлагаем использовать в качестве рабочего, временного обозначения наименование «образец Евдокимова». На Кубани же, в казачьем обиходе эти клинки назывались «таннеровки». В 1869 г. состоялся первый заказ шашечных клинков на Златоустовском заводе. Практику войсковых заказов и высылки при этом образцов, использует и Терское казачье войско. Почему же возник вопрос о разработке единого образца для кавказских казаков и его Высочайшем утверждении?

В 1894 году Военный Совет рассматривал вопрос об изготовлении ручек к шашкам и кинжалам неприкосновенного запаса. При этом было обращено внимание на то, что приказ по Военному Ведомству в 1871 г. № 380, устанавливающий форму обмундирования и снаряжения Кубанского и

Терского казачьих войск, очень неопределенно описывал холодное оружие. «Кинжал должен быть азиатский, с произвольной оправой, привешиваемой к поясу, а шашка азиатского образца с произвольной отделкой» (2, с.89). Военный Совет и Главное Управление казачьих войск (кстати, еще в 1885 г. возбуждавшее вопрос об установлении образца) считали, что при таком неясном определении любое оружие, принесенное казаками на службу, могло быть забраковано, вводя их в напрасные расходы. Естественно, что наличие произвольных образцов не давало возможности заготовить неприкосновенный запас. Кроме того, свою роль сыграло и мнение генерал-майора Короченцева, проводившего в 1892 г. поверочную мобилизацию в Кубанском войске. В своем отчете он доложил о печальном состоянии клинков, особенно шашечных, в мобилизованных частях (3, л.5). За ничтожным исключением, все они имели следы ржавчины. Генерал не допускал мысли, что из 6 тысяч казаков не оказалось любителей оружия, сохранивших свои клинки. И это состояние шашек он приписывал неправильному устройству верхнего конца ножен. Раструб, в который помещалась рукоять шашки, представлял, по его мнению, «хороший резервуар для стока дождевой воды». При этом, чем исправнее и добротнее ножны – тем хуже ржавеет клинок и чем неисправнее, особенно с разбитой нижней частью, тем менее собирается в них вода. Мы можем указать еще на одну причину, которую не приводили на заседании Военного Совета, но она давно стала уже очевидной. Дело в том, что оружие Златоуста было намного лучше по качеству изделий кустарных мастеров. Автор располагает многочисленными и разнообразными свидетельствами в подтверждение сказанного. Особенно убедительно говорят об этом рапорты кавказских офицеров, командовавших сводными кавалерийскими полками, бригадами, дивизиями и требовавших вооружения казаков только златоустовским холодным оружием.

Теперь нам вполне очевидно, почему Военный Совет потребовал разработать и утвердить «установленным порядком» единый образец шашки и кинжала для Кавказских казачьих войск и объявить по Военному Ведомству чертежи и описание. При этом следует отметить одну интересную деталь. Военный Совет рекомендовал руководствоваться образцом шашки, Высочайше утвержденным 6 июня 1881 г, но не в виде обязательства принять именно его для Кавказских войск, в виде ссылки на существующий уже образец, построенный на основании научных данных...». В мае 1894 г. это решение доведено до штаба Кавказского военного округа, а затем в Кубанское и Терское войска.

Распоряжением И.Д. Наказного Атамана Кубанского казачьего войска была создана специальная комиссия для выработки образца шашки и кинжала. В ее состав вошли: генерал-майор Яцкевич (председатель), атаман Екатеринодарского отдела полковник Мазан, полковник Кухаренко, командующий 2-м Екатеринодарским (льготным) полком войсковой старшина Барыш-Тыщенко, начальник Войсковой мастерской есаул

Чекалов. В заседаниях комиссии участвовал командир 1-го Екатеринодарского конного полка полковник Дондуков-Корсаков. Комиссия внимательно рассмотрела различные образцы оружия, находившиеся в войсковой мастерской и у частных лиц, и единодушно решила, что лучшими и наиболее соответствующими своему назначению являются клинки Златоустовского завода, как шашечные, так и кинжальные. Ножны также были признаны вполне удовлетворительными. При этом члены комиссии руководствовались тем, что этот тип ножен выдержал испытания Кавказской войной и казаки с ними свыклись, они легки и просты по своей конструкции, а потому их легко сделать или исправить в любой станице из материалов, имеющихся под рукой. Кроме того, раструб ножен сберегал роговую рукоять и позволял удобнее и быстрее вкладывать шашку. Никто из членов комиссии не замечал недостатков, указанных генерал-майором Короченцовым, при необходимости они легко устранялись вытиранием и смазкой, что подтверждала практика ухода за пехотным оружием.

23 октября 1893 года комиссия представила описания образцов шашки и кинжала (З, л.16-21) с указанием размеров, веса, прибора, стоимости. Опуская несущественные детали, приведем подробное описание этих образцов, так как они явились базовыми. Именно на их основе были созданы образцы 1904г.

Шашечный клинок состоял из боевого конца длиной около 160 мм, начинающегося от острия и продолжающегося до начала дол. Назначался он для укола и рубки. Средняя часть клинка имела на каждой стороне по 2 дола «по образцу так называемых «волчков» и предназначалась для парирования ударов и рубки. И третью часть клинка составлял хвост, на него крепился эфес. Клинок сделан из литой стали, имеет закаленный боевой конец и середину; кривизна клинка подобна кривизне «волчков» (история «волчков» составляет предмет самостоятельного исследования – Б.Ф.).

Длина клинка без хвоста 755 мм, ширина соответствует длине, но не менее 33 мм в центре удара. Вес клинка 610 гр. На хвосте клинка имелись два отверстия для прикрепления заклепками эфеса.

Эфес состоял из рукоятки, головки и трех заклепок. Рукоять буйволиного или бычьего рога из двух половинок, соответствующих верхней части клинка и хвосту (поперечное сечение рукояти на хвосте было круглое). Головка азиатского образца из латуни крепилась на верхнюю часть рукояти с помощью цементного состава и заклепывалась. 1

Ножны изготавливались из двух половинок легкого дерева с гнездом для помещения рукоятки вплоть до головки, обтягивались кожей, преимущественно хозом и покрывались лаком. Кроме того, нижняя часть ножен, начиная от нижней гайки, покрывалась восчанкой (парусина, пропитанная ярью и воском).

1. Помимо цементного состава головка крепилась также на квасцах, а также с помощью специальных мастик, созданных чаще всего на основе пережеванного гипса.

На кожу насаживался латунный набор из верхнего и нижнего наконечников и верхней и нижней гаек. Верхний наконечник крепился к раструбу двумя заклепками, под этой частью располагалась верхняя гайка со скобой для верхнего пасового ремня портупеи, в середине ножен одной заклепкой крепилась нижняя гайка со скобой для нижнего пасового ремня, и на конце ножен двумя заклепками укреплялся нижний наконечник.

Портупея к шашке изготавливалась из вычерненного сыромятного ремня кавказской выделки и состояла из плечевого ремня и двух пасовых (пасики): верхнего и нижнего. Ширина ремней примерно 14 мм, длина плечевого около 145 см, длина верхнего пасика около 18 см, нижнего около 50 см. Подгонялась портупея к шашке таким образом, чтобы оба пасика, вытянутые вдоль шашки, приходились бы на середину головки рукоятки.

В пешем строю портупея носилась (в то время) через правое плечо, в конном же надевалась вокруг пояса. Вес шашки с ножнами равнялся примерно 1 кг 23 гр. Клинок весил около 610 гр, вес набора на шашку 145 гр., вес набора на портупею 68 гр. Общий вес шашки с портупеей составлял 1 кг 583 гр.

Стоимость шашки комиссия рассчитала в 8 руб. 78 коп., а портупеи 1 руб. 38 коп. В том числе: шашечный Златоустовский клинок 2 руб. 6 коп., деревянные половинки ножен (из липы) 20 коп., оклейка ножен 1 руб. 60 коп., восчанка 8 ? коп, латунный прибор с ручкой из буйволиного рога 3 руб., клей, чернение и две заклепки 5 коп, работа 1 руб. Стоимость портупеи составляла: ремень 53 коп, латунный гладкий набор 65 коп., работа и чернение 20 коп. Из чего же исходила комиссия, определяя стоимость шашки и портупеи? Цену на клинок устанавливал Златоустовский завод, а на все остальные детали и операции существовали расценки войсковой мастерской Кубанского войска (4., л.118). Согласно также этой мастерской, стоимость шашки с белым под чернью набором колеблется от 7 руб. 45 коп. до 9 руб. 45 коп. Мы можем «разбить» и 3 рубля, составляющие стоимость прибора и ручки. Белый металлический набор стоил от 1 руб. 20 коп.

до 2 руб. 50 коп., а ручка из рога буйвола от 0,75 руб. до 1 рубля.

Клинок кинжала, представленного комиссией, состоял из боевого конца с копьевидными очертаниями, средней части с четырьмя долами с каждой стороны, начинающимися в 55 мм от рукояти и хвоста, предназначенного для присадки ручки. Клинок был изготовлен из литой стали и закален в средней части и конце. Длина клинка без хвоста 42 мм, вес клинка 303 гр. Рукоять из двух роговых половинок, скрепленных тремя железными заклепками. С наружной стороны заклепки имели полусферические головки. На оконечность рукояти надевался металлический наконечник с выступающим ободком, который закрывал верхнюю часть ножен. Ножны из двух половинок легкой породы дерева стягивались преимущественно хозом и покрывались лаком. Прибор состоял из верхнего наконечника со скобой, образующей на конце кольцо и нижнего наконечника, заканчивающегося круглой пуговкой. Каждый из наконечников крепился одной заклепкой. Сквозь кольцо скобы продевались концы ремешка, длиной около 90 мм и завязывались «азиатским узлом», образуя петлю. Пояс для носки кинжала приготавливался из вычерненного сыромятного ремня, длиной около 110 см и шириной примерно 20мм. Принадлежностью пояса являлась сальница (жирница) и отвертка, носившаяся на правой стороне поясам на особых ремнях.

Весь прибор на шашку, кинжал, пояс и портупею изготавливался из латуни «с резьбой и под чернью по кавказскому образцу». Вес кинжала с ножами составлял примерно 500 гр., а вместе с поясом и принадлежностью 790 гр. Стоимость кинжала 5 руб. 74 коп. складывалась из стоимости златоустовского клинка – 2 руб. 60 коп., липовых ножен – 4 коп., оклейки ножен хозом – 40 коп., роговой ручки – 75 коп., латунного прибора – 1 руб.50 коп. и работы – 50 коп. Интересно отметить, что если шашка с клинком Златоуста стоила на 5-10 руб. дешевле «азиатских клинков», также отделявавшихся в мастерской войска, то златоустовский кинжал стоил примерно на 1 руб. дороже (5).

В сентябре 1894 года образцовые шашки и кинжалы Кубанского и Терского войска были представлены в Главное Артиллерийское Управление. Их осмотрел инспектор Артиллерийских приемок генерал-лейтенант Энгельгардт. Он отметил, что эти шашки резко отличаются от казачьих шашек, утвержденных в 1881 г. Но, учитывая, что с образцами подобных клинков свыклись целые поколения казаков на Кавказе, и они имеют славное боевое прошлое, он предлагал оставить их, предварительно испытав. Конструкция ножен представляла, по мнению Энгельгардта, хорошую возможность для

скопления воды у эфеса. Кроме того, соединение частей в ножнах он считал непрочным. Но самые большие претензии вызвал способ скрепления эфеса с хвостом клинка. Поперечные заклепки инспектор считал ненадежными и предложил способ крепления по образцу обыкновенных казачьих шашек посредством контргайки, скрепляющий хвост рукоятки в раструбе эфеса. Кинжал же не вызвал у него никаких нареканий. Но и шашку и кинжал Энгельгардт отправил на испытания в Инструментальный завод (именно на этом заводе под руководством генерал-лейтенанта Горлова было разработано холодное оружие образца 1881 года).

22 сентября образцовые клинки поступили на завод, а 24 ноября начальник Инструментального отделения полковник Корольков доложил результаты проверки боевых качества шашек и кинжалов (З, л.4). Их сравнивали почему-то не с казачьими образцами 1881 г., а с драгунскими. Клинок Терского войска оказался чуть тоньше драгунского, короче на три линии, имел два узких и один широкий дол; клинок Кубанского войска был еще несколько тоньше и короче на 4 линии с двумя узкими долами. Клинки закалены пружинной калкой. От груза весом 20,5 кг терский клинок дал стрелку прогиба в 16.5 см, а Кубанский в 16см. Причем у обоих клинков точка наибольшего выгиба оказалась ближе к боевому концу, нежели у драгунского. После указанного испытания гибом, оба клинка полностью выпрямились без малейших следов остающегося изгиба. Прекрасной оказалась и твердость острия как шашек, так и кинжалов: при опускании острием на железный лист, клинки пробивали его без малейшего для себя вреда. При рубке меди и мягкого железа отлично зарекомендовали себя и лезвия, не получившие ни помятостей, ни зазубрин.

Зато полностью подтвердились опасения артиллерийского инспектора относительно крепления эфеса. От первого же удара по меди разлеталась рукоятка терского клинка на куски прямо в руке рубившего. Рукоять кубанского клинка была предварительно обмотана тряпкой, но, тем не менее, от первого же удара совершенно расстроилась, обе половинки сдвинулись со своих мест. На рукоятках кинжалов удары лезвием по меди отразились также неблагоприятно, хотя и в меньшей степени. В результате испытания клинки были признаны очень хорошими, а способ скрепления их с эфесом неудовлетворительным.

29 декабря 1894 года генерал-лейтенант Энгельгардт сообщил итоги испытания в Главное управление казачьих войск, а оттуда они были доставлены в казачьи войска через штаб Кавказского военного округа. После внимательного изучения результатов испытания, всестороннего обсуждения достоинств и недостатков

спроектированного оружия, члены комиссии представили Атаману Кубанского войска свое заключение, которое он и довел начальнику штаба Кавказского военного округа 14 марта 1896 года (3, л.6). В отношении ножен Кубанское войско твердо стояло на своей позиции. К доводам, высказывавшимся ранее, был добавлен еще один – раструб ножен скрывает выступающие части рукояти, и она не так цепляется за одежду, ремни, ветки...

Из описания испытаний члены комиссии не совсем поняли, что же разлетелось в куски при рубке меди: рукоятка ли вместе с хвостом, или же латунная головка, посаженная на цементный состав. Вариант с хвостом не рассматривался, так как это - брак завода. Рукоять из рога или металла, скрепленная двумя заклепками вплотную с хвостом и составляющая с ним единое целое, не может отделиться от хвоста ни при каком сильном ударе. Свой способ крепления шашек кавказского образца, кубанцы считали намного предпочтительнее, чем в регулярной кавалерии и у донцов. И снова войско высказалось за шашку кавказского образца в уважение к ее боевым качествам, удобству носки в пешем и конном строю, историческому прошлому и привычке к ней нескольких поколений казаков. И лишь одна, но существенная деталь, была изменена. Для придания прочности рукоятке, решили изготавливать ее по – прежнему, из двух половинок рога или металла, но цельною вместе с головкой, не допуская прикрепления цельной головки цементным составом или мастикой, что конечно же, было не прочно. Таким образом, Кубанское войско возвращалось к старым, испытанным в боях эфесам.

В план данной работы не входит описание всей истории холодного оружия Кубанского казачьего войска, но маленькое отступление нам кажется уместным. Дело в том, что проблема использования металлических рукоятей и отдельных металлических головок уже давно существовала в войске. Окончание Кавказской войны, резкое усиление качеств огнестрельного оружия (а значит, уменьшение роли холодного) приводят к тому, что боевые достоинства шашки уходят на второй план и все больше внимания уделяется декоративной отделке. Последняя четверть 19 века проходит под знаком борьбы этих двух тенденций и в 1876 году комиссия под председательством генерал-майора Перепеловского, разрабатывая образец шашки, потребовала запретить обрамление рукоятей в металл (6, л.27). Смысл этого требования заключается в следующем: при утяжелении рукояти, что неизбежно при оформлении в металл, центр тяжести, а значит и центр удара смещаются к эфесу, следовательно, нарушается и правильность отвеса – качества высоко ценимого кавказскими горцами и казаками. Потому комиссия предложила любителям

щеголять – завести второй, декоративный экземпляр. А отдельные металлические головки пришли на Кубань, по нашему предположению, из Варшавы. Именно казаки Кубанского дивизиона, служившие там, стали в большом количестве изготавливать головки из сравнительно дешевого «польского серебра». Именно они, буквально наводнили ими Кубанскую область и вызвали своеобразную моду. Как шашки, так и клинки Варшавского производства, будучи довольно красивы, но разлетались от первых же ударов. Показательно в этом отношении письмо командира 2-й Кавказской казачьей дивизии к Наказному атаману Кубанского войска. Рассказав о ряде схваток казаков с кочевниками, он в заключение убедительно просит «в особенности не допускать Варшавских изделий, безусловно, негодных для вооружения казаков» (7, л.1). Письмо это датировано 1885 г., и вот только через 11 лет войско решает окончательно, через Высочайшее утверждение, запретить эту порочную практику.

Главное Управление Казачьих войск, рассмотрев мнение Кубанского войска, решило, что окончательное заключение можно дать лишь после предварительного испытания на Инструментальном заводе в августе 1896 г. Старые образцы были отправлены в войско и затребованы новые, изготовленные согласно последнего проекта. 7 октября 1896 г. Войсковой штаб дал указание начальнику Войсковой мастерской изготовить новые образцы шашки и кинжала, руководствуясь проектом Наказного Атамана. На старые клинки были приделаны новые рукояти из буйволиного рога (на шашку цельная с головкой) и 22 октября отправлены в штаб Кавказского округа. При этом, атаман, ходатайствуя об утверждении этих образцов, просил дать разрешение на оковку головки рукояти, поверх рога, тонким металлическим колпачком для тех, кто пожелает.

С этого момента дело движется еще медленнее, чем раньше. Лишь через год, в сентябре 1897 г. Главное управление казачьих войск отправило в штаб Кавказского округа результаты испытаний (3, л.13). 1 июля этого года Оружейный отдел Артиллерийского комитета признал способ скрепления клинка с рукоятью «достаточно прочным и удовлетворяющим своему назначению». Но при этом было обращено внимание, что концы заклепок расклепаны прямо на щелчках без всяких металлических подкладок. По мнению отдела этот способ был признан непрактичным и во избежание раскола рукояти рекомендовано подкладывать под заклепки шайбы и «вообще производить заклепку более тщательно и аккуратно, чем в представленных образцах». Как ни удивительно, это замечание отодвинуло утверждение образцов еще на добрых 7 лет. Главное управление казачьих войск зная, что образцы одобрены

Артиллерийским ведомством, тем не менее, сочло невозможным представить на Высочайшее утверждение образцы, сделанные небрежно и неаккуратно (в чем мы их полностью поддерживаем). Были затребованы новые образцы, изготовленные согласно с указаниями Оружейного отдела. Начиналась новая, теперь уже «заклепочная» драма.

Дело ушло снова на очередной годичный виток. В конце 1898 г., начале 1899 г. бракуются очередные образцы, изготовленные как ни странно, без учета рекомендаций Оружейного отдела. В образцах Кубанского войска почему-то не были поставлены шайбы, а терцы исполнили работу очень небрежно. К тому же, описание и рисунки казачьи войска прислали старые. При этом было указано, что образцы Терского войска исправлению и возвращению в столицу не подлежат, так как на Высочайшее утверждение решено было представить образцы Кубанского войска. Однако, мы должны указать, что кинжал, представляемый теперь от Кубанского войска и употребляемый в нем уже несколько лет, был разработан в Терском войске.

В 1886 г. в Кубанском войске разрабатывали новый образец кинжала для заказа в Златоусте. Кинжал не очень удавался, но с завода прислали два образца, один из которых представило Терское войско. Он вполне удовлетворил кубанцев, и заказываемые клинки решено было изготавливать по образцу терских (7, л.26).

Кубанцы спешили и уже в марте 1899г. изготовили новые образцы, описание к ним и чертежи. Именно это описание и было объявлено в приказе по Военному Ведомству № 133 от 13 марта 1904 г. Мы укажем лишь те изменения, которые появились в нем по сравнению с образцами, проектируемым в 1893 г. На хвосте клинка делались не два, а три отверстия с заклепками. Рукоять из буйволиного рога, цельная с сердцеобразной головкой. Шесть шайб, отливались из мельхиора (белый металл – три орла, № 30) и вставлялись в разшорошенные гнезда роговой щечки. Верхнюю гайку решено было прикрепить к ножнам двумя заклепками; добавили вторую заклепку и к нижней гайки. В кинжале появились лишь три шайбочки, служившие для расклепывания заклепок с обратной стороны. В рукописном варианте, составленном в войсковой мастерской указывались размеры язычка наконечника рукояти (половина 15 копеек) и бляшки под головкой заклепки навершия (в 50 копеек). В машинописном тексте, составленном от ККВ, опущен первый размер, а в приказ Военного ведомства не пошел и второй.

Безусловным достоинством образца, представленного в 1899 г., был значительно меньший вес по сравнению с образцом 1893 г. При том же весе клинка (610 гр.), общий вес шашки с портупеей

уменьшался почти на 400 гр. В первую очередь, это результат отсутствия металлической головки. Роговая ручка на изготовленном образце весила всего 85 гр.! (3, л.36). Готовый кинжал с поясом, жирницей с отверткой весил около 867 гр., несколько более образца 1893 г. шашечный клинок обошелся в 7 руб. 86 коп., портупея 1 руб. 45 коп., кинжал 5руб.50коп., пояс 75 коп. Это дешевле, чем прежние образцы. И это притом, что несколько подорожали златоустовские клинки: шашечный теперь стоил 3 руб. 16 коп., а кинжальный 2 руб. 90коп. Но зато подешевел прибор, кожа, да и работа уценилась вдвое.

Проектные образцы доставили в столицу, и в августе 1899 г., их снова осмотрели в Оружейном отделе. При проверке оказалось, что заклепки сидят в отверстиях неплотно, вследствие чего шатались щечки рукояти. Пригонка рукояток к хвостам клинков вновь была произведена неаккуратно. И, главное, опять не были поставлены шайбы под заклепки, хотя и в чертежах, и в описании они указаны.

17 августа Оружейный отдел постановил (№ 157), что образцовые шашка и кинжал, в том виде, в каком они изготовлены, представить на Высочайшее утверждение невозможно.

Главное Управление Казачьих войск вынуждено было указать, что, несмотря на неоднократные исправления, небрежность Кубанского войска и попустительство войскового начальства не позволяют утвердить образцы холодного оружия, выработка которых началась еще в 1893 г. От кубанцев потребовали принять все меры для тщательного изготовления образцов, соответствующих описанию и чертежам.

А пока изготавливались эти образцы, Приказом Военного Ведомства 1900 г. № 7 казакам Кавказских казачьих войск разрешили иметь на вооружении кинжал местного производства, с тем условием, чтобы они соответствовали утвержденному Наказным Атаманом образцу (9, с.8). В этом же году приказом по Кубанскому войску № 117 Наказный Атаман генерал-лейтенант Малама утвердил образец кинжального клинка (9, с.26). Длина его устанавливалась от 33 до 35,5 см, длина рукоятки от 12,7 до 15см, ширина 3,8 см. Толщина клинка и долы пропорционально длине и ширине клинка. Вес одного клинка от 288 до 330гр. Ясно, что такая неопределенность оставляла большую свободу выбора. Интересно, как проверяли качество клинка. При рубке о мягкое железо на нем не должны были оставаться большие зазубрины или выломы кусков металла. Чтобы проверить упругость, клинок брали в левую руку, острие клали на стол, а рукоять поднимали сантиметров на десять и правой рукой нажимали на середину клинка. Если клинок пружинил, или получал незначительный прогиб, его

признавали годным, если же клинок гнулся довольно легко и прогиб оставался, то браковали.

Пока в Кубанском войске готовили новый образец, военный министр доложил Императору, что Кавказские казаки до сих пор не имеют установленного образца шашки и кинжала. В результате этого постановления Министра, Государь Император в 24 день апреля 1901 года повелеть соизволил: «казаков Кубанского и Терского казачьих войск не неволить иметь оружие казенного образца и, не стесняясь однообразностью его, разрешить казакам выходить на службу с доставшимся им от отцов и дедов шашками и кинжалами, лишь бы оружие это было годно в боевом отношении» (10, с.261). Вероятно, это решение как-то повлияло на ход дела и задержало изготовление и утверждение клинков еще на три года. К сожалению, нам не известны детали этого заключительного этапа. Ясно, что войсковая мастерская все-таки справилась со злополучными заклепками, ибо 1 марта 1904 года образцовые шашка и кинжал были представлены на утверждение императору, что он «соизволил сделать». Одновременно утвержденным оказался и орнамент, украшавший прибор шашки и кинжала.

В работе А.Н. Кулинского приведен кинжал с образцовым орнаментом (8). Мы же прилагаем копии с рисунков рукоятей шашки и кинжала, сделанных в войсковой мастерской (Рис. 1:2).

Надо заметить, что утверждение образцов явилось, по сути дела, формальным актом. Жизнь шла своим чередом и вносила свои коррективы. Войско постоянно заказывало клинки и, оформляя их на Кубани, не очень следовало образцам ни до, ни после их утверждения. И после 1904 года множество клинков, если даже не большая часть (особенно кинжальные), имели заклепки, расклепанные прямо на роге без всяких шайб. В то самое время, когда в Петербурге утверждали образцы, войсковое начальство сообщало директору Златоустовской оружейной фабрики о внесении изменения в конструкцию заказываемых на фабрике клинков. Далеко не всегда соответствовал образцу в декор прибора шашек и кинжалов. Ведь кроме войсковой мастерской оформлением клинков занимались военно-ремесленные школы, войсковые мастерские и многочисленные мастера-кустари. Нередко, целый полк оформлял заказ за пределами Кубанской области (обычно у дагестанских мастеров).

И все-таки, несмотря на многообразные формы отделки и оформления, этот тип оружия сохраняет неизменными свои основные конструктивные черты и довольно легко выделяется среди других образцов холодного оружия.

Примечания:

1. Государственный архив Краснодарского края (в дальнейшем – ГАКК). Ф. 254. Оп. 2. Д. 1174; Д.114.
2. Федоров В.. Холодное оружие. СПб, 1905.
3. ГАКК. Ф. 396. Оп.1. Д. 6728.
4. ГАКК. Ф. 396. Оп.1. Д.7450.
5. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д. 7153.
6. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д. 3878.
7. ГАКК. Ф. 396. Оп.1. Д. 4766.
8. Кулинский А.Н. Холодное оружие русской армии и флота. Л., 1988.
9. Гаденко К.П. Описание формы обмундирования и снаряжения казаков Кубанского и Терского казачьих войск. Уманская, 1913.
10. Кубанский календарь на 1902, Екатеринодар, 1901.